

Государственная
публичная
историческая
библиотека РСФСР

ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. - 5

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1847.

ИЛЛОСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДЪЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

Т. IV. № 11.—Суббота, 22 Марта 1847.

Подписано итна на годъ 10 р. сер.; съ доставкою и пересыпкою 11 р. 50 к. сер.

(№ 95.)

ПЕТРЪ (*) АНДРЕЕВИЧЪ

КИКИНЪ.

=

Память людей, подобныхъ Петру Андреевичу Кикину, не должна забываться благороднымъ потомствомъ. Величество исторіи заключается въ божественномъ правѣ судить и казнить дѣлія, человѣчество унижающія, по еще болѣе въ обязанности воздавать добродѣтели и заслуги достойную похвалу. Я уже не засталь Кикина въ живыхъ, когда возвратился въ Петербургъ, и признаюсь, всегда душевно сожалѣлъ объ этомъ. Привыкнувъ съ уваженiemъ смотрѣть на людей, отличенныхъ талантами, я съ большимъ удовольствиемъ съ благоговѣніемъ люблю смотрѣть на государственного мужа, дышащаго, живущаго однимъ добромъ своего отечества. Тамъ — ларь природы; тутъ — подвигъ высокой воли имѣть свою прекрасную часть. Издавалъ Художественную Газету и два года Иллюстрацію я постоянно думалъ, какъ бы собрать подобную Биографію Петра Андреевича Кикина, но занятія и мелкие хлопоты мешали моему намѣренію. Благодаря благословленію соизволенію кн-я М. И. В—ой, мы получили хороший портретъ Петра Андреевича и краснорѣчивое теплѣ слово, читанное Василиемъ Ивановичемъ Григоровичемъ въ засѣданіи Общества Иоаннинскаго. Кто лучше могъ выразить характеръ Кикина, какъ не постолпный свидѣтель дѣятельности Петра Андреевича, близкій ему по обязанности, близкій по чувствамъ. Съ душевною при-

зательностью помѣщаю извлеченіе изъ этого слова и жалѣмъ, что не могли помѣстить всего.

Редакторъ.

=

Древній родъ Кикинихъ извѣстенъ своимъ заслугамъ. Одинъ изъ его предковъ, не по прямой линіи, былъ тотъ извѣстный Кикинъ, который пользовался отличной достоинствами Петра Великаго, и долго былъ достоинъ; но онъ замѣшился въ дѣло, грозившее Россіи переворотомъ, дѣло тяжкое для сердца Петрова и любви Монарха отца, не пощадившаго собственнаго сына, не должна была спасти и уклонившагося отъ обязанностей своихъ подданнаго.

Прадѣдъ Петра Андреевича, Иванъ Васильевичъ, былъ родной братъ сего Кикина, но онъ, равно какъ и сынъ его были вѣры царю и не переставали пользоваться милостями его. Дѣлъ Петра Андреевича умеръ воеводой въ Астрахани.

Отецъ его былъ также человѣкъ отличный, и потому многіе достойнѣйшія особы, знаяшіи его лично, уважали его истинно. Мать была необыкновенная и притѣрьженница по своимъ добродѣтямъ и христіанскому подвигамъ. Отъ сихъ-то родителей получить бытіе Петръ Андреевичъ Кикинъ 1777 года 27-го декабря въ городѣ Алатырѣ Симбирской губерніи.

Конечно было-бы излишнѣмъ упоминать здесь о происхожденіи Кикина; но какъ не вспомнить съ уваженiemъ, какъ не сказать съ уваженiemъ о достоинствѣ предковъ, когда потомокъ ихъ, получившее отъ нихъ благородство облагородилъ еще болѣе собственными заслугами, какъ человѣкъ и гражданинъ.

Младенчество его протекло какъ обыкновенно скоро и незачѣтно для него. Но тутъ, изъ рукъ матери-праведницы, и сама того не знала, онъ принялъ впечатлѣніе неизгладимое, рѣшившіе, можетъ быть, на всегда направлѣніе его чувствъ къ добру, и

дѣйствій къ пользѣ другихъ, а не собственной.

По обычаю временъ, высшее дворянство начинало тогда службу въ пехотныхъ. Такъ и Петръ Андреевичъ на 2-мъ году отъ рожденія былъ париженъ въ капральскій мундиръ Преображенскаго полка. Графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ, пріятель отца его, безъ просбы сего послѣдняго, привезъ къ нему въ деревню капральскій паспортъ для двухъ сыновей. Спустя нѣсколько времени Петръ принялъ въ сердцѣ Семеновскаго полка, также безъ вѣдома родителя хлопоты о томъ особы, уважавшіе его и желавшіе сдѣлать ему пріятное.

Петръ Андреевичъ учился въ пансионахъ: у г. Экстрѣ, въ Московскую Университетскую, у профессора Чеботарева, а паконецъ въ домѣ тетки своей, княгини Натальи Александровны Голицыной, въ полночь смыслъ заслужившей уваженіе. Впрочемъ его ученіе кончилось безъ отличныхъ успѣховъ; онъ былъ рѣзовъ и чрезвычайно пылкъ, а дѣла съ подобными свойствами не всегда способны учиться прілежно. Въ лѣтахъ уже юношества, подъ руководствомъ старшаго брата его, онъ старался образовать себя чтенiemъ.

Природа дала ему много смысла и здраваго ума. Потому-то смотрѣлъ онъ на вещи съ надлежащей точкѣ; обнимая все легко, иногда увлекался по своей пылкости, но слушалъ и любилъ бесѣды умныхъ, потому что онъ его учили чему-нибудь.

1-го января 1796 года онъ получилъ чинъ прапорщика, съ тѣхъ поръ до чина генерал-майора, полученнаго за отличіе въ сраженіи 31-го октября 1812 года, находился лейб-гвардіи въ Семеновскомъ полку.

Здѣсь началась его воинская служба, здѣсь началось и благоволеніе къ нему бессмертнаго Александра, не измѣнившагося до самой кончины Его Величества.

Кикинъ обратилъ на себя вниманіе Маршала усерднаго къ службѣ и точнѣй исполненіемъ обязанностей офицера. Командуя

(*) Петръ Андреевичъ Кикинъ пѣѧлъ настоящее виа Верволомен и подъ спѣвъ именемъ кременецъ, исполнявши религію, бракосочетанія и отпѣты былъ при погребеніи. Назывался онъ Петромъ съ маленчества въ поимѣ одного родственника, котораго мать просила родителей В. А. называть его по имени одного изъ 5-хъ сыновей ея, болѣе всѣхъ любимаго, которыемъ лишилась всѣхъ почти въ одно время въ лѣтахъ совершенныхъ.

ротою, онъ довѣль ее до такого отличного совершенства, что Государь поставлялъ его въ примѣръ всѣмъ и каждому.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1802 г. Государь пожаловалъ его въ флигель-адъютанты, и съ тѣхъ-поръ удостоивалъ отличною довѣренностью и многими всесильными порученіями, обѣ успѣхъ коихъ велико ему было право донести Его Величеству. Еслибы дозволяло мнѣ время и мѣсто исчислять всѣ дѣла, которыя возлагались на Петра Андреевича, по обученію войскъ новымъ эволюціямъ, по участію въ сформированіи арміи, по разнымъ инспекціямъ и произведеніямъ пять сдѣствіймъ, то все это утомило бы ваше вниманіе и отвлекло бы настолько отъ другихъ занятій пынѣшаго собранія, а потому упомяну только о пѣкоторыхъ, наиболѣе обличающихъ его характеръ и правила.

Въ губернскомъ городѣ В. открылись важныя злоупотребленія по вывозу изъ гравину серебряной монеты; мѣстное начальство не только не принялъ мѣръ къ отвращенію сего зла, но еще нашлись чиновники, повторствовавшіе тому изъ видовъ корысти. Государь послалъ туда своего флигель-адъютанта Кикина. Онъ раскрылъ зло во всей полнотѣ, несмотря на многія преграды, которыя противупоставили дѣствіемъ его. Преступники трепещущіе мыслили побѣдить его безкорыстіе и купить свое спасеніе. Но Кикинъ вѣрный долгъ, твердый въ правилахъ чести, окончивъ какъ сдѣвало порученіе, на него возложилъ, возвратился въ С. Петербургъ и явился къ Государю. Его Величество, зная о поступкѣ Кикина, встрѣтилъ его сими словами: «Я знаю, что тебѣ предлагали 50,000 руб. серебромъ; ты ихъ отвергнулъ; я довѣль твою твердость, расторопность и торжество мое надъ всѣми кознями!» и тутъ-же приказалъ ему написать указъ объ отставкѣ губернатора; но Кикинъ просить не основываясь на его донесеніи, и предоставить теченію самаго дѣла изобличить виновныхъ. Государь соизволилъ съ нимъ согласиться.

Я долженъ вами сказать, что Кикинъ былъ въ то время болѣе пажели не богатъ. Послѣ смерти отца, на долю его осталось 135 душъ крестьянъ, ст. 15,000 руб. долга. Изъ онекъ онъ получалъ не свыше 400 р. въ годъ и бывъ только поддерживаемъ старшимъ братомъ, который приобрѣлъ состояніе женитбою.

Государь изволилъ назначить его бригад-майоромъ въ 3-ю армію и послать къ главнокомандующему оною, генералу Михельсону. Тутъ Кикинъ имѣлъ всесильные порученія отъ главнокомандующаго, которая всегда исполнялъ съ свойственнымъ ему усердіемъ и дѣятельностью. Онъ желалъ быть въ дѣлахъ съ непріятелемъ, и просился въ дѣйствующую армію, но Государь, находя нужнымъ пребываніе его при Михельсонѣ, на то не согласился. Будучи при семъ достойномъ генералѣ, Кикинъ узналъ его коротко и питалъ всегда къ нему особенное уваженіе.

Началась молдавская кампанія. Кикинъ, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, былъ храбръ и рѣшителенъ. Въ одноть дѣлѣ Белорусский Гусарскій полкъ обязанъ былъ спасеніемъ своимъ единственно стречательности

и самозабвенію Кикина, съ которыми онъ бросился на помощь его (*). За отличие по службѣ, онъ имѣлъ уже ордена: св. Анны 3-й ст. (что нынѣ 4-й) и св. Владимира 4-й ст. Въ эту кампанію онъ получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. и золотую шагу съ надписью: за храбрость.

По смрти генерала Михельсона, онъ находился при генералѣ Мессидорфѣ и наконецъ при генералѣ-фельдмаршалѣ князѣ Прозоровскомъ.

Однажды будучи у фельдмаршала, Кикинъ слышитъ, что одинъ изъ значительныхъ чиновниковъ, думалъ, можетъ быть, угодить новому главнокомандующему, началь громко осуждать его предмѣстника, генерала Михельсона — Кикинъ взялъ стопону покойнаго, горячо вступилъ за него, отвергъ клеветы и на другой день явился къ фельдмаршалу просить подорожную въ С. Петербургъ. Князь отказывается, но Кикинъ объясняетъ, что онъ флигель-адъютантъ и дѣлаетъ къ своему посту. Старецъ-фельдмаршалъ понявъ прямаго человека, предложилъ ему отправиться курьеромъ; Кикинъ согласился и получалъ бумаги, уѣхалъ.

Съ сего времени до самой Отечественной войны 1812-го года онъ находился почти безотлучно въ С. Петербургѣ при Государѣ, кроме пѣкоторыхъ поездокъ по дѣламъ службы, или для свиданія съ матерью и братомъ, которыхъ любилъ съ иѣзною. Зная страсть своей добродѣтельной родительницы помогать бѣднымъ, лечить больныхъ, неимущихъ, призывать спиртъ, болѣть о несчастныхъ и облегчать имъ участіе по возможности; онъ 1500 руб. пенсіи ему пожалованной, обратилъ павсегда къ матерѣ, и тѣмъ доставлялъ ей удовольствіе: заフルженіемъ деньги сыночку раздавать нуждающимся!

Живъ въ столицѣ, онъ не предавался разсвѣтию беззелезному. Напротивъ искалъ дружбы людей, дарований и заслугами отличавшихъся. Николай Семеновичъ Мордвиновъ, Гаврилъ Романовичъ Державинъ, Александръ Семеновичъ Шишковъ и другие мужи знаменитыя его уважали. Раздѣляя съ ними время, онъ употреблялъ его въ пользу себѣ и обществу. Однажды, будучи у Державина, разсуждалъ съ нимъ о словесности русской, онъ подалъ мысль къ учрежденію общества, въ которомъ молодые литераторы, соединяясь въ извѣстное время съ писателями, уже прославившимися, могли бы публично читать свои сочиненія, и руководствуясь замѣчаніями людей опытныхъ, совершенствовать свои дарования и дѣйствовать на вкусъ публики, тогда пристрастной еще къ всему иностранному. Мысль эта, истекшая изъ любви къ пропагандинѣ и отечеству, осуществилась въ бесѣдѣ любителей русскаго слова, собравшейся въ дочь Гаврила Романовича Державина.

Кикинъ самъ не былъ литераторомъ, можетъ быть потому что не могъ исключительно посвятить себя занятію подобнаго рода; но онъ любилъ литературу и первѣ-

ко удивлялъ друзей своихъ памятью превосходившіхъ мѣстъ изъ русскихъ поэтовъ и прозаиковъ, и даже многихъ французскихъ писателей. Все изящное было доступно прекрасной душѣ его.

1811-й годъ предвѣщалъ бурю, разразившуюся въ слѣдующемъ. Кто зналъ ходъ происшествій того времени, тотъ ясно предвидѣлъ близкую брань и брань кровавую, жестокую. Россіане чувствовали, что имъ не миновать участія въ ней, что быть можетъ и они должны будутъ защищать свою родину; по были уверены, что отстоятъ ее, не зная еще гдѣ, не такъ какъ другіе народы, одинъ за другими влонившися подъ ярою побѣдителя. Духъ любви къ отечеству одушевлялъ всѣхъ. Правительство наше недремлююще смотрѣло въ даль, готовило силы свои, изслѣдовало силы противника. Знало образъ мыслей въ пограничныхъ провинціяхъ нашихъ и уѣбѣдилось, что нельзѧ вести войну вѣтъ предѣловъ своихъ. Деятельность правительства была необыкновенна. Въ мудрой предусмотрительности своей оно издало учрежденіе о большой дѣйствующей арміи, назначило людей способныхъ соотвѣтствовать его видамъ, составило бессмертный планъ кампаніи, обстоятельствами чѣсколько измѣнившійся, но тѣль не менѣе расчитанный, вѣрный, и ждало событий.

Кикинъ гвардій полковникъ и флигель-адъютантъ назначенъ дежурнымъ генераломъ въ армію и посланъ въ Вильно, для исполненія сей должности и введенія новаго порядка.

Въ слѣдъ за тѣмъ прибылъ главнокомандующий и самъ Государь въ Вильно. Еще надѣялись на переговоры; но Наполеонъ шагнулъ чрезъ Нѣманъ и Александръ произнесъ обѣтъ свой «не полагать оружія до колѣ ни единъ врагъ не останется въ царствѣ его», воскликнулъ пророческое слово: на начинаящаго Богъ! и ожиданія и сомнѣнія превратились въ существенность; брань воскликнѣла...

Россійскій арміи начали свое отступленіе и свои подвиги. Кикинъ распоряжалъ и дѣйствовалъ по своей обязанности. При соединеніи двухъ армій онъ назначенъ дежурнымъ генераломъ обѣихъ. Въ беззечерный день Бородинской битвы, отбивая съ охотниками на штыкахъ главную батарею отъ Французы, раненъ въ глазъ.

Во время бѣгства Наполеона изъ Россіи, преслѣдуя непріятеля, онъ настѣнѣ отрядъ, прикрывавшій часть отставшаго обоза: Французы были разбиты, и Кикинъ, уѣдѣвшись между взятыми въ пленъ рабочими конскрипта, сжалился надъ его молодостью и бѣдственнымъ положеніемъ, привѣтъ его въ свое покровительство, лечилъ и содержалъ на своемъ изждивеніи, приведъ его съ собою въ Парижъ, отыскалъ мать его, вѣдьную вдову ткача, и возвратилъ ей единственнаго ея сына. Бывшие при Кикинѣ Казаки нашли въ обозѣ между прочимъ 5-тысячный рубль серебромъ и прислали оные къ нему. «Возьмите себѣ, это ваше, я не участвую въ добывахъ», сказали имъ Кикинъ.

Въ октябрѣ 1812-го года, за отличие въ сраженіи, произведенъ въ генерал-майора.

(*) Полкъ этотъ былъ окружено превосходительными силами турецкой кавалеріи и находился въ опасности, былъ потребленъ. Кикинъ съ 300 охотниковъ вступилъ на помощь ему и Турки прогнали.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1813-го года (*), также за отличіе въ сраженіи подъ Смоленскомъ при дер. Заболотѣ, где было ранено пулею колѣно, награждены орденомъ св. Георгія 3-й степени. Въ апрѣлѣ того-же года за сраженіе при Красночѣ и за другія дѣла получили орденъ св. Анны 1-й ст.; въ маѣ пожалованъ отъ Пруссаго короля орденомъ Краснаго Орла 2-й ст. Но назначение графа (что пыниѣ князя) Витгенштейна главнокомандующимъ перешель къ нему дежурнымъ генераломъ. Въ 1813-мъ году, видя жалостное положеніе раненыхъ, неимѣвшихъ постоянныхъ квартиръ, въ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, отъ чего пристмотрѣ и пользованіе не соотвѣтствовали человѣкоубиству обѣихъ попеченію правительства, онъ предложилъ главнокомандовавшему учредить лазаретъ въ Прагѣ и самъ вызвался исполнить это порученіе. Киккінъ собралъ въ Прагу до 30,000 раненыхъ, устроилъ и устроилъ ихъ состояніе; и духомъ рвениія и пламеннымъ усердіемъ достигъ своей цѣли, заслуживъ всеобщую благодарность, а отъ Монарха орденъ св. Владимира 4-й ст.

За отличіе въ сраженіи 15-го февраля 1804-го года при городѣ Барн-Сюр-Объ, 19-го у дер. Лабрюель и 20-го того-же мѣсяца при городѣ Троа получили знаки св. Владимира 2-й ст. большаго креста.

Въ мартѣ 1814-го года пожалованы ему алмазные знаки ордена св. Анны 1-й ст. за военные дѣла подъ Парижемъ. Всѣ эти награды приобрѣтены имъ въ чинѣ генерала-майора и должности дежурного генерала.

По взятію Парижа, Киккінъ уволенъ до излеченія въ отпускъ, назначенъ бригаднымъ генераломъ, и отправясь на короткое время въ Лондонъ, прибылъ оттѣль моремъ въ отчество въ томъ-же году.

Симъ кончилась его военная служба, въ которой онъ отличался строгимъ соблюденіемъ своихъ обязанностей, порядкомъ, усердіемъ, дѣятельностію, храбростію и состраданіемъ къ страждущему человѣчеству.

Находясь въ С. Петербургѣ, онъ рѣшился жениться и нашелъ въ Маріи Ардалионовне Горсковой особу, которой желали и которая по своимъ качествамъ и достоинствамъ обѣщала быть его истинной другомъ на пути остальной жизни. Не предпринимая ничего безъ воли родительницы, онъ полегъ къ ней; получивъ ее согласіе, вступилъ въ бракъ и вышелъ въ отставку. Это было въ 1815-мъ году.

Я не могу пропустить одного обстоятельства, которое доказываетъ образъ мыслей Киккіна.

По счастливому окончанію войны, доставившей намъ столько трофеевъ. Киккінъ въ письмѣ къ другу своему А. С. Шишкову изложилъ мысль свою, что Русскимъ преданнымъ вѣрѣ и промысломъ Божіимъ, совершившимъ дѣла дивныя, невѣроятныя, прилично было бы воздвигнуть храмъ Спасителя. Г-нъ Шишковъ показалъ это письмо Государю Императору и мысли Киккіна послужила первымъ поводомъ къ сооруженію храма.

(*) Здѣсь означено время пожалованія.

Недолго почтенный Петръ Андреевичъ былъ въ отставкѣ. Да и могло-ли быть иначе? Александръ зналъ его коротко. Однажды, это было въ 1816-мъ году, Государь, встрѣтъ его здѣсь въ С. Петербургѣ на набережной, спросилъ ему, что онъ Его оставилъ и предлагалъ мѣста по статской службѣ. Черезъ два дня графъ А. А. Аракчеевъ, по волѣ Монархѣ, пригласилъ его къ себѣ и объяснилъ, что Государь желаетъ, чтобы онъ принялъ мѣсто статскаго секретаря. Киккінъ, по склонности своей, не довѣрялъ собственнымъ силамъ, отговаривался тѣмъ, что подобная должность требуетъ большихъ способностей, и что онъ рѣшился на принятие ея не съѣсть. Ему дано на размышленіе. Извѣстные заслуги своимъ Василий Степановичъ Поповъ и князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, не безъ воли Монарха конечно, убѣждали его тѣмъ, что онъ можетъ и долженъ быть полезенъ, и что не принявъ службы отвѣтъ будетъ за зло, которое сдѣлать можетъ другой на его мѣстѣ. Киккінъ рѣшился и для него открылось новое обширное поприще. Съ 1816 по 1826-й годъ вмѣсто большихъ окладовъ жалованья, которая получали другія, онъ доволенъ былъ 5,000 руб. и никогда не просилъ о прибавкѣ, служилъ честно, говорилъ всегда и вездѣ правду, былъ заступникомъ за несчастныхъ, представительствовалъ за нуждающихся и вѣроѣтно служившихъ, Царю и отечеству. Были пріемы, что онъ послѣ отказа Государемъ сдѣланнаго, входилъ вновь ст. докладомъ, и повторялъ просьбу свою, основанную на причинахъ уважительныхъ, оказать милость достойному и Александръ всегда и во всемъ великий, убѣдясь въ справедливости докладчика, съ пѣнъ соглашался. Надобно было видѣть сию радости на лицѣ этого рѣдкаго человѣка, когда онъ возвращался съ подписанными указами милостей Царскихъ.

Потерявъ свою родительницу, онъ всегда поминалъ ее добрыми дѣлами. Однажды, въ бытность старшаго брата его въ С. Петербургѣ, въ день рождения матери, онъ пишетъ къ нему (это было 28-го марта): «Инѣмъ я помянула матушку; Ф. Г. М. Т... человѣку бѣдному и женатому я выпросилъ у Государя 3000 р. пенсіи.

Кто знаетъ Петра Андреевича Киккіна, тотъ знаетъ каковъ онъ былъ по службѣ, какими милостивыми довѣрѣемъ онъ пользовался при Государѣ и сколько обязаны ему были его подчиненные. Но я оставилъ говорить о томъ, что всѣмъ извѣстно, и переходя къ частной его жизни, которую имѣть слѣдѣтъ узнать, какъ надѣюсь, довольно близко во время статской службы и по отставкѣ его.

Онъ былъ рѣдкій сынъ. При жизни матери своей онъ любилъ ее до благоговѣнія. Всѣ мысли его обращены были на то, чтобы дѣлать ей угодное. Я упомянула выше, какъ онъ употреблялъ пенсію, по 1,500 р. въ годъ ему пожалованную. По смерти ея онъ воспоминалъ о ней не иначе, какъ со слезами на очахъ. Братячка и сестрымъ своимъ онъ былъ преданъ душою и неѣмъ имъ жертвовать; особенно же старшему сестрѣ, которая искупаля недостатокъ сѣй, если такъ можно называть его; онъ слушалъ противорѣчія иногда также рѣзкія въ всегда соглашался съ дѣлами. Особенно на-добно было слышать въ спорахъ о дѣлѣ

даря, передавъ ему свою аренду и отдалъ ему годовое свое имѣніе, что подтверждено и дочерью П. А., законною единственномъ по нему наследницей. Не задолго предъ смертю своею, онъ просилъ нынѣ царствующаго Государа велѣть выдать ему за остальные годы аренды причитающуюся сумму, и получивъ ону, отдалъ брату.

Много-ли можно найти примѣровъ подобной любви братской?

Въ дружбѣ своей къ людямъ, ея достойнѣе, всегда постоеанъ и усердѣнъ, и готовъ быть на все, чтобы доказать ее.

Благотворенія была его стихія. Не будучи богатымъ человѣкомъ, онъ дѣлался со многими своимъ состояніемъ и иногда такъ, что благодѣтельствованные имъ того не знали. Были случаи, что онъ давалъ нуждающимся по дѣлѣ, по три тысячи рублей и не любилъ, чтобы ему говорили о благода-рности.

Я счастливъ, когда могу служить дру-гимъ, говоривъ о нѣ; а это стоитъ болѣе нежели слова, которыя не всегда бывають отъ сердца.

Однажды, когда онъ былъ въ дерѣвнѣ, дѣ-ти друга его и брата хотѣли сыграть пѣсу, которой цѣла была изъясненіе благодарности дядѣ. Онъ узналъ обѣ этомъ отъ жены своей и просилъ этого не дѣлать, говоря: Что я за жалкую фигуру буду дѣлать, сидя и слушая цѣлый часъ какъ меня въ гла-за хвалятъ будуть. Онъ блистатель скромности и дорожилъ болѣе сердечной любо-вью его окружавшихъ, нежели словесными выраженіями оной.

Съ женой жилъ, какъ говорится, душа въ душу. Рѣдкая женщина его супруга уважала рѣдкаго человѣка своего мужа, дорожила имъ и умѣла цѣнить его. Онъ любилъ и почиталъ ее какъ искреннѣйшаго свое-го друга, питалъ къ ней иѣжность всегда равную, неизмѣнную до кончины и послѣ кончины ее. Сколько разъ случалось находитъ ихъ однихъ съ дочерью въ бесѣдахъ наставительныхъ для послѣдней. «Внушить твердые правила вѣры и любви къ ближнему, развить умъ и сердце сколько можно для того, чтобы она никогда была добраю женщицѣ и матерью. Вотъ цѣль воспита-нія дѣвичъ, а прочее нужно какъ лѣкъ для картины, которая безъ существенныхъ до-стоинствъ живописи ничего отъ него не выигрываетъ.» Такъ онъ мыслилъ о воспита-ніи.

Съ мѣдьми, отъ него зависимыми, онъ обращался ласково. Никогда не наказывалъ иначе какъ словами и выговорами; за то всѣ, кто былъ подѣю него, питали къ нему любовь слышанную съ покорностию. Удали-ніе отъ себя человѣка провинившагося, бы-ло величайшимъ наказаніемъ. Онъ бы-лъ кругъ, разокъ, прѣчъ до крайности. Го-ворилъ, что думалъ. Во время службы, его образъ объясненій, иногда рѣзкій, называли слѣдствіемъ высоконѣтія, но онъ и по отставкѣ былъ таковъ-же. Онъ не могъ и потому не умѣлъ ни съ кѣмъ принуждать се-бя, за то имѣлъ въ характерѣ своемъ черту, которая искупаля недостатокъ сѣй, если такъ можно называть его; онъ слушалъ противорѣчія иногда также рѣзкія въ всегда соглашался съ дѣлами.

полезицъ Россіи, по какой-бы то части ии было, а эти случаи были часты.

Находясь въ службѣ статѣ-секретаремъ у пріятія прошенній, онъ имѣлъ возможность обращать на многія полезныя предпріятія благотворное око Царево. Нѣкоторыя общества для ученой цѣли, или для развитія сельскаго хозяйства и промышленности, составившіе чрезъ его предстательство воспользовались щедростями Монаршины.

Здѣсь въ С. Петербургѣ, онъ былъ одинъ изъ ревностныхъ членовъ Вольнаго Экономического Общества и служилъ ему своими познаніями и советами. Въ Москвѣ участвовалъ въ трудахъ Общества Сельскаго Хозяйства и по отставкѣ доставлялъ въ журналъ того-же общества собственный статьи.

Въ 1820 году онъ составилъ Общество Июшени Художниковъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагариномъ и Александромъ Ивановичемъ Дмитриевымъ Мамковымъ, которое скорымъ увеличениемъ своихъ и присвоено пользу, наиболѣе его дѣятельности обязало. Общество это, по его ходатайству, неоднократно получало важныя Монаршины листы. Художники многія поддержаны, многіе ободрены, изъ которыхъ искусство усовершенено, а другихъ развиты дарования. За Брюловыхъ, Чернецовыхъ и проч. мы одолжены ему. Онъ былъ великому молодому человѣку съ дарованіемъ доступенъ и со всѣми ласковъ, привѣтливъ. Умѣлъ вливать бодрость въ робкихъ,

помогать бѣднымъ и неизвѣстнымъ. Занимающемуся художествомъ стояло явиться къ нему въ домъ и сказать свои нужды, онъ немедленно принималъ въ нечѣ участіе и дѣлалъ важный пособій. Библиотека его, обильная хорошимъ по художественной части изданіями, была чѣмъ открыта. Онъ не щадилъ самыхъ дорогихъ, лишь бы пріести пользу. Общество наше, при его руководствѣ, никогда не имѣло недостатка въ средствахъ; художникъ никогда не отходилъ отъ него безъ дѣла; кабинетъ его всегда былъ открытъ для нихъ.

Но что можетъ сравниться съ радостью, которую чувствовали онъ, видя успѣхи Общества или успѣхи пансіонеровъ онаго? Съ Брюловымъ онъ перенесывался какъ отецъ;

письма ихъ и работы приводили его въ восхищеніе. Когда получено было здѣсь извѣстіе о томъ, съ какимъ восторгомъ принятія картина Карла Брюлова «Послѣдній день Понпеи», въ Италии, я писалъ къ нему въ Москву. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что письмо мое было виною радостныхъ слезъ его, и вы этому повѣрите, ибо вѣрою не разъ видѣлъ, что слыши о чѣмъ-нибудь, приносящемъ честь и славу Россіи, у него горѣли глаза и блестали слезами.

Сударь простиль значительную часть онаго и, согласясь на увольненіе Петра Андреевича, послѣ отставки уже его, пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго, какъ особенный знакъ своего благоволенія.

Получивъ отставку, Петръ Андреевичъ отправился въ деревню. Прошался съ племъ, я изъявлялъ ему сожалѣніе, что онъ въ частной жизни менѣе можетъ быть полезенъ. «Ошибся, отвѣчалъ онъ мнѣ: кто

«хочетъ быть полезенъ, тотъ вѣдѣ будесть полезенъ.»

И онъ оправдалъ это. Съ прибытіемъ его въ деревню, онъ занялся улучшеніемъ хозяйства и быта крестьянъ своихъ, сдѣлалъ многія важныя усовершенствованія по устройству пчѣнія, положилъ на пашню оборочную деревню, переселилъ крестьянъ, улучшилъ ихъ состояніе, выписалъ разныя необходимыя машины и орудія изъ чужихъ краевъ, ввелъ ихъ въ употребленіе, развилъ сельскую промышленность, обучалъ крестьянскихъ дѣтей чтенію, закону Божію, разнымъ мастерствамъ другимъ полезнымъ занятіямъ. Поля его воздѣлывались превосходно; крестьяне его убѣдились въ пользѣ разведенія картофеля, особенно на случай неурожаевъ; многія крестьянскія домашнія пѣдѣлія доведены до совершенства, такъ напримѣръ: у него въ пчѣніи воздѣлывались превосходно-пепромокаемые простые тулуны, которые онъ представлялъ Вольному Экономическому Обществу и получили за то отъ него похвалу.

Почѣщики — сосѣди

дивились его успѣхамъ и присыпали къ нему въ пчѣніе крестьянъ своихъ учиться, заказывали у него машины, плуги и проч. Словомъ онъ сильно дѣйствовалъ на свой кругъ и съмъ одинъ уже заслужилъ похвалу и благодарность согражданъ.

И такъ онъ былъ, за что ни брался, все у него преуспѣвало. Необщирная дача его здѣсь приведена имъ въ чрезвычайное устройство. Небольшой садъ ея можно назвать образцовымъ по числу замѣчательныхъ растений, деревьевъ, плодовъ, собирающихся изъ оранжерея и теплицахъ. Я не знаю чего бы полезнаго не любилъ онъ, и все со страстью и горячностью. Порывъ его къ добру и пользу Россіи, какъ

(Петръ Андреевичъ Кикинъ.)

выразился одинъ изъ почтенныхъ друзей его, доходилъ до пуступленія.

Онъ имѣлъ большой даръ действовать, не всегда довѣрять себѣ, умѣть выбирать людей и пользовался ихъ замѣчательными, соѣтами, но никогда не былъ въ зависимости отъ другихъ. Чувствуя недостатокъ своего образования, онъ учился въ теченіи своей жизни, и не задолго до смерти слушалъ курсъ физики, химіи, ботаники и сельского хозяйства у одного известнаго профессора.

КСЕНОФОНТЬ ВАРФОЛОМЕЕВИЧЪ ГВОЗДИЧКА.

Разсказъ въ одномъ письмѣ.

Письмо отъ Елены Ивановны къ Василию Васильевичу.

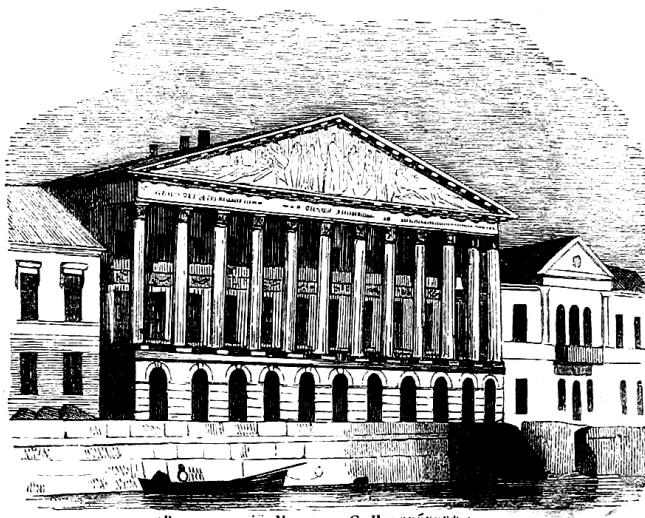
С. П. Б. 18... 30 июня.

Поздравляю меня, братецъ. Я счастливъ, и на седьмомъ небѣ отъ восхищенія. Страстное желаніе, лучшая мечта моей жизни исполнилась. Я женатъ, жена на этой пре-

молоденъка, то она противъ желания выдастъ за него свою dochь то послѣ самыхъ точныхъ справокъ: не картежникъ ли онъ, не либералъ ли? не въ долгу ли... и послѣ двухгодового испытанія, которое время обязалъ будущий зятюшка его жить у него въ домѣ, на его глазахъ?.. Это было мнѣніе моего тестя и ты понимаешь, что я никакъ не могъ надѣяться заслужить его довѣріе. Она не терпѣла лгуновъ, а обманывала и его и Наташу, притворяясь скромнымъ юношемъ; она пепавидѣла картежниковъ, а я страстью любилъ карты; она не любилъ ничего не делающихъ людей, а я въ жизни своейничѣмъ не занимался, къ тому же былъ совершенно въ долгѣ и обремененъ обольщенной мною дѣвкой, на которой я обѣщалъ жениться, и которая надѣлась на это, благословила меня двумя дѣтьми. Кромѣ того приближался срокъ платить долгъ по венчанію, а у меня не было и копейки за душой да и неоткуда было ждать. И такъ я шелъ и мечталъ... Варуѣ смотрю, прямо на меня идетъ портной Французъ, которому я былъ долженъ до 300 рублей за разные костюмы и который поѣзжалъ меня аккуратно каждые 3 дни, выкупивъ у меня сигару, болталъ о всякихъ вздорахъ и уходилъ съ цѣльмъ коробомъ обѣзжаній. Я хотѣлъ спастись ретировкой отъ портного. Оглядываясь, прямо только за меня идетъ, улыбаясь, краснолицый сапожникъ Купецъ, и такъ, кажется, мнѣ говорятъ: А, тѣй Нетъ, ваконечъ-то я вѣсъ ваша, пожалуй-ка мнѣ fünf hundert Rubel; казалось мнѣ, что она пользуется уже въ карманѣ за огромнымъ счетомъ, въ которомъ значилось, что мною въ продолженіи года израсходовано 12 паръ сапоговъ простыхъ и 6 лакированыхъ, по виду мнѣ было суждено въ этотъ день встрѣтиться со всеми своими кредиторами, потому что я замѣтилъ, что по другой сторонѣ проспекта шелъ Иванъ Степанычъ Живой, которому я имѣлъ глупость дать вексель; она увидѣла меня быстро перешодить черезъ мостовую. Въ пенуѣ отъ этихъ вѣтреѣ, я рѣшился постыднымъ образомъ бѣжать и бросился въ Большую Садовую. Я не имѣлъ духу оглушаться, мнѣ казалось, что и Французъ съ бородой, и Нѣмецъ съ красными носами, и Иванъ Степанычъ съ насмѣшливой физиономіей гнались за мною, хватали меня, что даже стъ имени было блеститель благочиніе, что изъ окна казенного дома смотрѣлъ отецъ моей Наташи и показывалъ мнѣ языкъ, что Наташа видѣла какъ за мною гнаются и что весь городъ сбѣжался смотрѣть, какъ Евгений Ивановичъ Скучнаго посадили въ тюрьму. Въ отчаяніи, пенуѣ, не зная, что дѣлать, оставляю и омнибусъ, устремляюсь въ него, кондукторъ захлопываетъ дверь—и ключи двигаются. Я сѣя въ такомъ пенуѣ, что и не вѣдалъ, какъ и куда меня везли и очнулся только тогда, когда кондукторъ приглашалъ меня пожаловать ему двугривенный. Тогда я пришелъ въ себя, и вспомнилъ, что у меня въ карманѣ ни копейки. Я пришелъ въ ужасное замѣшательство, потрясъсь не зналъ, что сказать, и не смѣялся взглянуть на строгаго кондуктора. Тутъ какъ-то глаза мои встрѣтились съ лицомъ, который, казалось, смылся моимъ горю. Этотъ лицъ, какъ послѣ я разглядѣлъ, принадлежалъ толстенькому пизденькому человѣку, глаза его маленькие, желваки скрывались подъ большими длинными, сѣдыми бровями; сѣдой, противный оклокъ баекибаръ и огромный старинный парикъ украсили это краснѣлое лицо. Это толстенькое существо было облечено въ бѣлый галстукъ, изукрашенный бересинскимъ табакомъ, въ сѣроѣ пальто, гороховые панталоны и вязаныя перчатки. Онъ, какъ я сказалъ, улыбался и смылся моему смущенію, поклонѣвъ онъ сказалъ:

«Я вижу, молодой человѣкъ, что вы съ собой не взяли денегъ, позвольте я заплачу за

42

(Румянцевскій Музей въ С. Петербургѣ.)

Будучи въ отставкѣ, онъ зимы проживалъ въ Москвѣ или Петербургѣ. Въ 1833 г. прибылъ въ здѣшнюю столицу. Уставъ Общества Поощрепія Художниковъ былъ уже Высочайше утвержденъ. Предѣдатель еще не былъ избранъ. Въ собраний Общества выборъ падъя на него и онъ занялъ дѣлами его съ усердіемъ и дѣятельностью. Художники опять обратились къ нему, какъ къ знакомому уже имъ благодѣтелю.

Въ апрѣлѣ пынѣшняго (1834) года полагалъ онъ созвать общее собрание Общества, но болѣзнь его постигла и часть уже удалилась. Онъ умеръ 18-го мая, какъ християнинъ, мирно и съ твердою надѣждой, что идти къ Отцу Небесному изъ жизни суетной въ вечную и лучшую.

Кикинъ нерѣдко говорилъ: Chacun est obligé de laisser des traces honorables de son existence sur la terre... И какъ прекрасно онъ исполнялъ свое любимое правило!

Къ этой статьѣ мы присоединяемъ портретъ П. А. Кикина и видъ зданія Румянцевскаго Музея, въ коемъ происходили заѣданія Общества Поощрепія Художниковъ.

=

лестной дѣвушкѣ. Ахъ! если бы ты увидѣла мою Наташу, я уѣрѣнъ ты бы влюбился въ нее, влюбился по уши. Вообрази себѣ дѣвушку высокую ростомъ, съ черными большими глазами, съ маленькими губками и посинкомъ, съ черными бровями и волосами, съ гибкой талией, маленькой ножкой... Ахъ! если бы ты была поэтъ... я бы иначе описалъ тебѣ эту небожительницу, которую я люблю, которая меня любитъ, которая теперь моя жена... Но ты вѣдь удивится и спросишь меня, кто бы такъ глупъ, чтобы знать, что изъ этого тенеръ у меня кто? Это Ксенофонть Варфоломеевичъ Гвоздичка... Но ты спросишь тенеръ у меня кто этотъ Ксенофонть Варфоломеевичъ Гвоздичка? и какимъ образомъ могъ онъ способствовать моей женитѣ?.. Кто онъ, откуда онъ?.. я не знаю. Просто съ себя свалился, а какъ онъ мнѣ подѣлъ?.. Послушай и тебѣ тенеръ расскажу.

Однажды, мѣсяцъ тому назадъ, шелъ я по Невскому и мечталъ, а мнѣ было о чёмъ: Я ужъ былъ влюбленъ въ мою Наташу, знала, что она меня любитъ, что она желаетъ, чтобы я просилъ ея руки, но я никакъ не могъ решиться заняться обѣмъ отцу ея, потому что отецъ ея былъ страшный человѣкъ. Онъ часто мнѣ говорилъ: что пынѣшнѣе молодые люди вѣдь лгуны, хвастуны, картежники, фармазоны, либералы, дѣлѣють не занимаются, книгу не читаютъ, а по трактирамъ шатаются, что онъ не имѣть никакого дѣлѣя къ людямъ, которые ничего не дѣлаютъ, кроме долговъ и что, если бы его дочь имѣла несчастіе влюбиться въ какого-нибудь